

К И 1137462

Наталья
Сидорова

*Моей
любви
печальный
сад*

Ham. Cuzapoba

Наталья
Сидорова

*Моей
любви
печальный
сад*

СТИХОТВОРЕНИЯ

АРХАНГЕЛЬСК
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

Художник Д. А. Трубин

- Сидорова Н. П.**
С34 Моей любви печальный сад: Стихотворения. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1989. — 79 с. : ил.

Эта книга — поэтический монолог, страстная, до боли обнаженная исповедь. Стихи в ней, как знак судьбы в минуту откровения. Душа поэтессы ищет собеседника и друга. Найдя благодарного, дарит ему светлую печаль прозрения и тихую радость очищения.

С 4702010202
М157(03) — 89 19—89

Р2
ББК 84Р7

ISBN 5-85560-135-8

© Северо-Западное книжное издательство, 1989

* * *

М

ой друг, я расскажу тебе
Грустную историю про веселого музыканте,
Который ничего не хотел знать,
Кроме музыки.

Он бродил по дорогам и играл на скрипке.
Люди любили этого музыканта потому,
Что могли смеяться и плакать,
Слушая его скрипку.

Среди этих людей была женщина,
Любившая музыканта больше своей жизни.

Она была зачарована его музыкой
И верила, что душа музыканта

Так же добра и красива,
Как звуки его скрипки.

Вера ее была так сильна,
Что каждый вечер, когда женщина
Оставалась одна,

Любовь превращала ее сердце
В прекрасную Белую птицу.

И женщина просила: «Птица любви моей,
Ты сильна своей тайной,

Ты нежнее и легче первого снега.

Стань невидимой, прозрачной, как свет.

Полети к моему любимому

И пой ему лучшие песни,

Чтоб музыка его была живая и чистая,
Как сама Правда».

И птица послушно выполняла ее просьбу,
Хотя путь был суров и труден.

Однажды женщина забыла предостеречь птицу —
Она не попросила ее стать невидимой.
Птица неосторожно прильнула к музыканту
Такой, какой она была,
И, как обычно, стала петь ему свои песни.
Музыкант удивленно посмотрел на птицу,
Засмеялся и сказал:
«Странная птица, о чем ты поешь?
Прочь! Ты мешаешь мне сочинять мою музыку».
Он прогнал ее с подоконника и закрыл окно.
Птица долго билась о твердую раму, о стекла,
А музыкант, чтобы не видеть этого,
Задернул плотные шторы.
И продолжал сочинять музыку в темноте.
Женщина мучительно ждала свою Птицу
И, часто плача во сне, звала ее...
Больно жить на свете,
Когда из твоей груди вынуто сердце.
Но израненная окровавленная Птица
Не могла долететь обратно
И погибла где-то в пути.
Шло время. Музыкант по-прежнему спешил по дорогам,
Играл свою музыку.
Только люди, слушая его скрипку,
Перестали смеяться и плакать.
Музыкант не заметил, когда и почему
Ушла из его музыки та невидимая Правда,
Которая делает искусство живым.
Наверное, нельзя
Безнаказанно убивать любовь.
Ведь даже невольное зло
Всегда возвращается к тому,
Кто его сотворил.

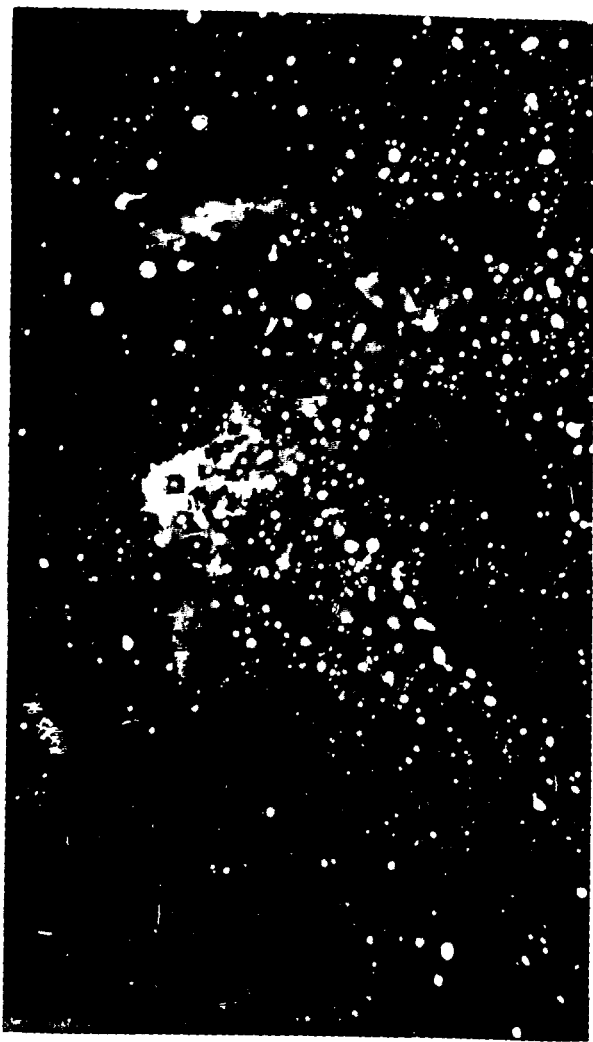
* * *

3

зачем, зачем душа должна любить,
Когда напрасны поиски кумира?
А жизнь одна не может искупить
Все зло и все несовершенство мира!

Зачем торопим будущий рассвет,
Жалеем то, чего не замечали?
Бежим короткой радости вослед,
Всегда страшась живительной печали.

И жажду — жить, и счастье — умирать
В себя вмещает разум человеческий...
Все видеть! Понимать! И не сгорать
На адовом огне противоречий!

. . .

х, если б забыть хоть на миг
Холодные стены палаты,
В бредовой ночи чей-то крик
И белые эти халаты.

Забить тусклых дней полукруг
И пухлых подушек томленье,
Сбежать бы на солнечный луг
И слушать пчелиное пенье.

И там, где дожди косяком
Шагают то влево, то вправо,
Пройти бы разок босиком
По мокрым некошеным травам!

Мне б синего неба платок
Набросить на плечи осинок...
Но вижу один потолок —
И падают руки бессильно...

• • •

Где цвели веселые ромашки,
Вдоль дорог теперь кусты чернеют.
Листья, как конфетные бумажки,
В мутных лужах брошенно пестреют.

Грустная пора лесов прозрачных,
Есть в тебе таинственная прелесть.
Гасит отзвуки надежд напрасных
За окном дождя осенний шелест.

Любо мне смотреть, как сильный ветер
Разгоняет туч седое стадо,
И спокойно думать, что на свете,
Кроме жизни, ничего не надо.

* * *

тополям весенний шелест снится,
И тишина натянута струной.
Душа моя, зачем тебе не спится
Под ласковой полночной луной?

Зачем блуждать, томиться
за порогом,
Искать свою упрямую строку?
Бродяга ветер, шляясь по дорогам,
Споет тебе и радость, и тоску.

Но свет сменяет тень неуловимо,
Звезда сорвалась, по небу скользя!..
И красота влечет неутолимо
Сказать все то, что высказать
нельзя.

• • •

Т ишину аккордами нарушу.
Ни одной слезы своей не жалы
Как струну, настраиваю душу
На любовь, на песню, на печаль.

Пусть же эта музыка живая
Плещется в груди моей, пока
Капелька росы дрожит, сверкая,
В чашечке прохладного цветка.

Я живу! Что радости иные?
Где букет последний соберу?
Счастье в том, что голоса земные
Слышу, просыпаясь поутру.

• • •

О пять на небесных угодьях
Пасутся созвездий стада,
И месяц купает поводья
в зеркальном покое пруда.

То клевером пахнет, то мятой,
А звезды дрожат на весу...
Люблю бесконечно и свято
Негромкую эту красу.

Не хочется сердцу расстаться
С землей, что не сыщешь милей.
Мне только б успеть надышаться
Привольем родимых полей!

А там, за неведомым где-то,
Мне помниться будет всегда
Сиреневый шелест рассвета
Над розовой гладью пруда,

Да будут по-прежнему сниться
Костер на крутом берегу,
Над лесом притихшим зарницы
И кони на мокром лугу...

• • •

3 а калиткой заглохшего сада
Тонут тени в глубоком снегу.
Там когда-то была я так рада
Поклониться цветам на лугу.

Равнодушно в холодную дрему
Осыпается иней с ветвей...
А в душистой прохладе черемух
Столько счастья сулил соловей!

Неужель это здесь над туманом
Для меня поднималась звезда,
Утешая беспечным обманом,
Будто я не уйду никогда...

• • •

усть в мутных лужах злая
стылость

И ветер, кажется, продрог.
Люблю осеннюю унылость
Пустых проселочных дорог.

В полях, чернея сиротливо,
Туда, где тихая заря,
Они идут неторопливо
Под низким небом ноября.

Кому несут свои тревоги,
В каком краю найдут покой
Родные русские дороги
С неясной русской тоской?

едой одуванчик теряет пушинку,
И речка волною качает кувшинку,
И в облаке солнце румяно садится,
Как алая ягода в клювике птицы.
Пусть годы, как ветер, проходят незримо,
Все это знакомо, все это любимо.

Родная деревня под северным небом,
Ты клевером пахнешь и зреющим хлебом,
Дожди затяжные обуглили крыши,
И вечер в окошки прохладой дышит.
Над крышами звезды горят негасимо —
Все это знакомо, все это любимо.

У старого дома все те же качели,
Здесь детство и юность мои пролетели.
Но песни мои здесь еще недопеты,
Пусть юность другая встречает рассветы,
Пусть детство другое проносится мимо —
Все это знакомо, все это любимо.

* * *

Помнишь, как на печальной поляне
Удивляли нехитрой красой
Деревя по колена в тумане
Да закат золотой полосой.

Как все реже до нас долетали
Засыпающих птиц голоса
И цветочек шиповника таял,
Догорал у меня в волосах.

Были сумерки летние кратки,
Ветер хмелем гулял в голове,
И, мечтая вздохнуть, без оглядки,
Мы бродили по мокрой траве.

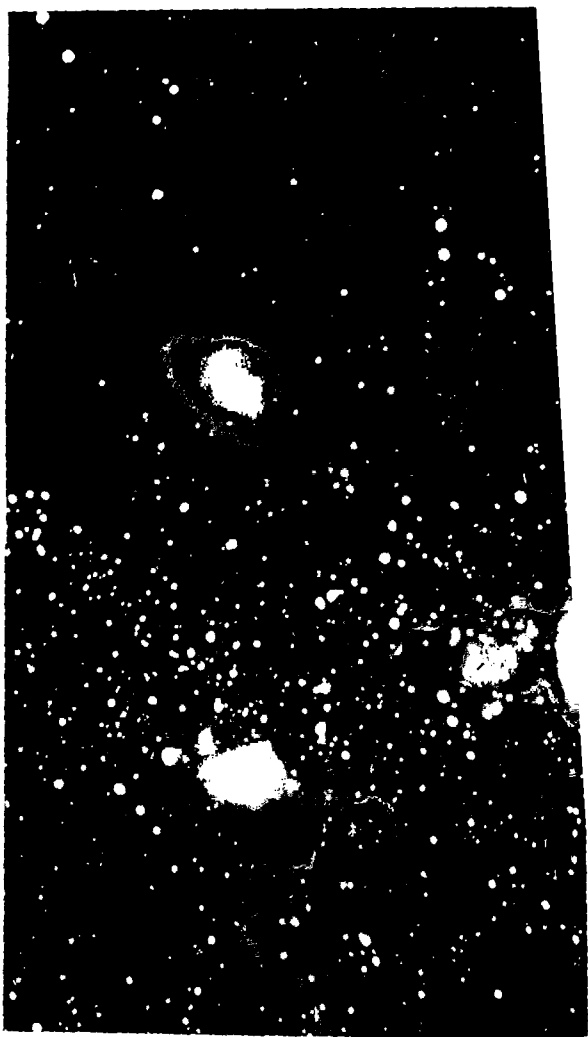
Мы любили с безудержной верой,
Разве так мы умеем теперь?
Мы тогда не считали потери,
Потому что не знали потерь.

Все проходит. Сгорают надежды,
Как листва на осеннем огне.
Только ты беспокойно, как прежде,
Ищешь долю в чужой стороне.

На судьбу понапрасну не сетуй.
Нам еще далеко до конца.
Приезжай, наскитавшись по свету,
Отдохни у родного крыльца.

Подросли, стали гуще рябинки
Зеленеть после зимней пурги.
А в лесу не остыли тропинки
И твои не забыли шаги.

Дерева по колено в тумане,
Как и несколько весен назад,
Дожидаются нас на поляне,
Глядя кротко на тихий закат.

* * *

Затихла здесь игра метелей,
Кругом теней прозрачных нега,
И дремлющие лапы елей
Спокойно держат тяжесть снега.

Мой лес родной, ты мудр и светел
В снегах зимы, в цветенье мая.
Как ты, хотела б жить на свете,
Все благодарно принимая.

И я в минуты потрясения,
Когда сверлит тоски осколок,
Иду к тебе, ищу спасенья
В тиши, среди осин и елок.

Ничем покой твой не нарушу,
Лишь повторяю, как заклятье:
Мою мятущуюся душу
Прими, мой лес, в свои объятия!

• • •

Белое ровное спящее поле,
Как безмятежно сияет луна!
Словно на свете ни горя, ни боли.
Музыкой льется с небес тишина.

Словно земле непокой и неведом,
В пологе дымном из лунных полос
Дремлют стога, как большие медведи,
Снятся, наверно, им дальний покос.

Слышится, будто одна за другою
Звезды вступают в торжественный хор.
Им отзываясь струной дорогою,
Рвется душа в этот дивный простор!

• • •

Л

юбовь моя — белая птица —
Молчала, не пела давно.
Устала в темнице томиться,
И я отворила окно...

Взлетела, кружила, звенела,
Тонула в сиянии дня!
Все ближе быть к ней я хотела —
Все дальше она от меня.

Какие капканы и сети
В пути ожидали ее!..
О, знала б я горести эти,
Застыло бы сердце мое!

• • •

Застыла ивой придорожной
В плену у медленной зимы.
За чем ты шел, неосторожный?
Зачем не разминулись мы!

Тебе, я знаю, тоже больно.
Колючий снег летит кругом.
Прости, что ранила невольно,
Прости, что плачу о другом.

. . .

Холодно было одной
На ветру.
Думала: солнце
мне — имя твое.
Горестно было
Вставать поутру.
Думала: счастье
мне — имя твое.

Солнышком
Медный пятак назвала.
Счастье погасло...
Куда забрела?
Руки застыли
И щеки бледней.
Сколько еще
Будет сумрачных дней?

. . .

Я

доверила ветру порой грозовой
Все, о чем рассказать не могу.
Пусть деревья листвою над
твоей головой
Прошумят на твоём берегу.

Сколько волн у реки! Но среди них
есть одна —
Я ее посылаю к тебе.
Пусть от солнца она станет светлой
до дна,
Прозвенит о счастливой судьбе.

Про любовь промолчу, ничего
не скажу.
Сколько б ни было в мире дорог,
Я рябины огонь на крыльцо положу,
Чтобы мимо пройти ты не смог.

* * *

х, что же со мною случилось?
Нечаянно встреченный взгляд —
И словно с бедой обручилась
И пью этот гибельный яд.

На миг доверяюсь надежде —
Не поздно еще, убегу
И буду, свободна, как прежде,
Гостить на своем берегу.

Но в прошлом смешно укрываться,
Сжигаю, сжигаю мосты,
Не в силах уже оторваться
От зыбкой менящей мечты.

. . .

се помню: тот вечер, тропинку.
Черемухой след замело.
В руках теребила травинку,
Не слышала собственных слов.

И долго ответ ожидала
С дымящейся болью в груди.
Я пламя сама разжигала,
Не ведая, что впереди.

Он голосом нежным и властным
Окликнул и слезы утер...
Безумная, гордая счастьем,
Взошла на высокий костер.

. . .

И е говори мне о любви.
Еще боюсь тебе поверить.
Вдруг снова в стынувшей крови
Вскричит отчаянье потери!

Любовью можно покорить,
Для сердца нет желанней плена.
Сумеешь чудо подарить —
Приду и преклоню колена.

Любовь живет мечтой, храня
Свои наивные секреты.
Ты только стань сильней меня,
Сними с души моей запреты.

Ты на лугу цветов нарви,
Войди в незапертые двери
И говори мне о любви —
Я так хочу тебе поверить!

. . .

Мои цветы в твоих ладонях.
Что будет с ними и со мной?
Так омут сумрачно-бездонный
Зовет обманной тишиной.

Нежданно зацвели однажды,
Мечту мучительно любя,
Они теперь листочком каждым
Благоухают для тебя.

Твое молчанье веет стужей,
Уходишь, не взглянув назад.
Я знаю, что тебе не нужен
Моей любви печальный сад.

Цветы души неосторожной
Оставь, не помни, не люби.
Но не бросай в пыли дорожной,
Не погуби, не погуби...

• • •

Н

е пиши мне писем пылких,
Понапрасну слов не трать.
Под окном тихонько кликни,
Позови меня гулять.

Проводи до речки синей
По тропинке под откос
И черемуховый иней
Отряхни с моих волос.

На траву с тобой присядем,
Встретим первый всплеск зари.
И красивых слов не надо,
Ничего не говори.

• • •

крыльца с тобой прощалась,
Вдруг в окошке свет погас.
Сердцем смутно догадалась я —
Видимся в последний раз.

Как недавно было зелено
И светло у нас в саду.
Мне любить тебя не велено.
Полюблю свою беду!

Ты забудь мою тяжелую
Муку черную в глазах.
Вспоминай меня веселою
С красной розой в волосах.

. . .

шел, не обещая встречи.
И стало проще, но больней.
Как зябко вздрагивают плечи,
Как пусто в комнате моей!

Иду туда искать участия,
Где речка с берегом вдвоем,
И, подглядев чужое счастье,
Сильней тоскую о своем...

• • •

Листку с ветвей легко ль срываться,
Лететь неведомо куда?
Мой друг, как трудно расставаться,
Не зная, свидимся ль когда?

Тревожно, бережно и тайно
Я буду думать про тебя,
А ты, вдали безвестно тая,
Живи не мучась, не скорбя,

И для меня останься милым,
Послушно памятью храним.
Прощай, и в слабости, и в силе
Всегда будь принят и любим.

А если вдруг в судьбе крушенье
И нестерпимая печаль,
Тогда пусть светит в утешенье
Надежды тихая свеча.

...
Ты богат свободой и удачей.
Мне ль тебя жалеть и утешать!
От тоски глухой, беды незрячей
Без меня сумеешь убежать.

Ты не знаешь думы одинокой
В час, когда погашены огни.
Для тебя текут рекой широкой
Звонкие сверкающие дни.

Так откуда ранняя прохлада?
Хочешь, песню нежную спою?
Только ничего тебе не надо...
Ну давай хоть чаем напою.

• • •

Н

е спится. Остывает старый дом.
Я все отчетливее слышу,
Как ветер воет, воет за окном,
Стучит и просится под крышу.

Тревожно пляшут тени на стене,
Овладевает мной смятенье.
Бездомный ветер, как понятно мне
Твое неистовое пенье!

Я знаю, знаю — и моя судьба,
Как ночь, слепа и бесприютна,
И кажется немислима борьба,
А радость кажется минутна.

Ах, ветер, ветер, наиграйся всласть!
Бушуй, шуми, мне жутко слушать
И сладко этой музыке во власть
Отдать измученную душу.

Но пусть узнает только ночь одна
О том, как чья-то боль кричала.
А утром — чистый снег и тишина,
И хоть всю жизнь начни сначала!

* * *

Закружатся снега над землею,
Мне пора настанет уходить.
Тополь с непокрытой головою
Выйдет на дорогу проводить.

И метель закроет взмахом шали
В дорогом окошке огонек.
Унесу в заснеженные дали
Грусти потеплевший уголек.

А когда в чужом краю придется
Мне тоской по дому заболеть,
Я о том, как родине живется,
 Попрошу у ветра песню спеть.

И увижу, лишь глаза прикрою,—
Чтобы память вспыхнула светлей,—
Голубой весеннею порою
Белый пух, летящий с тополей.

. . .

Как серебрится вечер краткий!
И неизменны навсегда
И отдыхающие лодки,
И безмятежная вода.

Там облака без сожаленья
Плывут и тают над рекой.
Огни забытого селенья
Сулят надежду и покой.

Смотрю, смотрю неутолимо,
Как будто вспомнить не могу,
Кто ждет меня неутомимо
На том забытом берегу.

* * *

ыл август. Бархатные ночи.
И я видала наяву,
Как звезд серебряные очи
Неслышно падали в траву

И гасли в шорохах невнятных.
А ночь творила чудеса!
И на лугу в цветах примятых
Легла тяжелая роса.

Молчали птицы, чуда ждали,
Реку окутывал туман,
И тишиной звенели дали,
А мне казалось — пел орган.

В восторге замерли деревья,
Со мной роняя до утра,
Святые слезы очищенья
Души, открытой для добра.

• • •

то-то станется, сбудется с нами!
Отчего потемнело кругом?
И рябина, бледнея цветами,
Покачнулась под нашим окном.

Неулавшего ливня тревога,
Как предчувствие близкой слезы.
Снова замерли мы у порога,
Услыхав приближенье грозы.

Налетит, опрокинет, нарушит...
Что останется после нее?
Очищеньем спасенные души
Или мрак пустоты, забытье?

. . .

орога кроется во мгле,
Но в лужицу звезда глядится!
Зачем на солнечной земле
Мне было суждено родиться?

Я знаю свет, я знаю тень,
И сладость слез, и горечь меда,
И как порой бывает день,
Который значит больше года.

Я — капелька, но целый мир
Во мне умеет отразиться.
За жизнь, за этот горький пир,
Смогу ль достойно расплатиться?..

. . .

мчалось лето стаей журавлиной,
Меня окликнув рано поутру.
И рядом с пламенеющей рябиной
Опять береза стынет на ветру.

Смотрю, и будто все когда-то снилось.
За дальней далью отзвеневших дней,
Под шум весенний мне светлей грустилось,
Любилось жарче, верилось сильней.

Тогда вилась в моем лесу тропинка,
Доверенная только мне одной,
Где открывалась каждая травинка
Своей неповторимой новизной,

Где, ошалев, как на хмельной гулянке,
Ко мне ласкался стройный иван-чай...
Наверно, там, на розовой полянке,
Я обронила юность невзначай.

Теперь туманы холодом знобящим
Обволокли реку, знакомый склон.
Над юностью, над летом уходящим
Плывет печальный журавлиный звон.

Теперь гуляет ветер над лесами,
Срывая листья с горестных осин,
И плачет небо поздними слезами,
Вдруг пожалев растраченную синь.

• • •

ебо серый дождь заштопал.
Лес, наверно, пуст и чист.
У дороги старый тополь
Обронил последний лист.

Не хочу гадать: что будет?
Как земную благодать,
Счастье выдумали люди,
Чтоб всегда чего-то ждать.

Ну, а я обману рада.
Средь своих, чужих грехов
Мне за боль одна награда —
Шепот трепетный стихов.

Между туч увидеть просинь
Иногда всего важней...
Даже ветреная осень
Утомилась от дождей.

. . .

Будет тополь трогать веткой
Запотевшее стекло,
Будет ветер незаметно
Красть уютное тепло.

Вспыхнет камушек в колечке.
Над собою не вольна,
Тихо сяду ближе к печке,
Одинока и больна.

Позабуду, что такое
Петь, смеяться, плакать, лгать.
Только имя дорогое
Будет губы обжигать.

Может быть, от мутных бредней,
Повторяя наизусть,
Как надеждою последней,
Этим именем спасусь.

. . .

Где тебя сотворили такую?
Петь — что пить и не выпить до дна!
Как послушно под смуглой рукою
То смеется, то стонет струна.

Ты играй. Буду слушать и слушать,
Будем вместе не спать до утра.
Пусть слова обжигают мне душу,
Словно искры ночного костра.

«Вместе с этой цыганской гитарой
Все мне хочется плакать и петь...»
Столько страсти в мелодии старой,
Что не жаль, не допел, умереть!

• • •

от и осень. Черный ельник
Грустно дремлет у дороги.
Уходи, ведь ты не пленник
У моей ночной тревоги.

А пока не село солнце,
Я с тобой легко расстанусь
И у низкого оконца
Зимовать одна останусь.

В чаще птицы замолчали.
Скоро здесь метель промчится.
Только знаю, из печали
Может песня получиться.

. . .

ветлы осенние равнины,
Высок прощальный птичий крик.
И одинокий лист рябины
К стеклу холодному приник.

Так было и всегда так будет —
Цветет и умирает сад.
Так отчего же сердце студит,
Знобит предчувствием утрат?

Светлы осенние равнины.
Простор небес необозрим.
Но этот тонкий лист рябины
Неповторим, неповторим!

. . .

ыло тихо. Казалось, услышу,
Как в пруду замерзает вода.
О мою вдруг ударилась крышу
Отгоревшая чья-то звезда.

Будет в доме теперь холоднее,
В очаге остывает зола...
Если на небе стало темнее,
Значит, в мире прибавилось зла.

Снова тихо, но нету покоя
От своей, от чужой ли беды.
Ранил душу мне вечной тоскою
Пролетевший осколок звезды.

* * *

Д

авно ли небо полыхало —
Скатилось солнышко в камыш.
Рукой привычно помахала:
«Когда, мой сокол, прилетишь?»

На дно души темно, устало,
Как в речку камень, навсегда,
Холодной тяжестью упало
Простое слово «никогда».

• • •

И

, может быть, судьба обманет
За то, что верю в чудеса,
И песня петься перестанет.
Но неизменны небеса!

Среди вражды, житейской смуты,
Где только чудом не сгорю,
За безжеланные минуты,
За тишину благодарю,

За то, что в сердце уместилось,
Как сладкий вздох «благослови!»,
Как утешение, как милость,
Пространство, полное любви!

Где наша тропинка кочует,
Повсюду трава-лебеда.
Как зверь, чье-то счастье почует
И около бродит беда.

И снова меня ты не встретил.
Коса развилась по плечам...
Вдруг плач мой подслушает ветер,
Не даст тебе спать по ночам?

Будь стон мой заглушен грозой!
Пусть взгляд мой окутает мгла,
Чтоб только кипящей слезою
Я сердце твое не прожгла!

Объятая тайною мукой,
Цветы собираю, смеюсь...
Пусть плачут дожди над разлукой.
Любимый! Я плакать боюсь!

В

который раз листвою заносит
Мое печальное крыльцо.
Все чаще снится в эту осень
Почти забытое лицо.

Поплачь, холодное ненастье,
О том, что лето не сбылось.
Как трудно складывалось счастье,
Как просто все оборвалось!

Пусть жизнь по капле расплескалась,
Назад и звука не вернешь.
Но мне бы только знать осталось,
Что ты когда-нибудь придешь!

. . .

Любви земных наград не нужно.
Неведом ей слепой упрек.
Но как лукаво, малодушно
Ты чистым даром пренебрег!

Любовь поруганной святыней
В слезах не встанет на пути.
Но слезы превратились в иней
Без долгожданного «прости».

И оттого, что лед не тает
И память обрывает нить,
Любовь, как ангел, отлетает,
Не в силах милого хранить.

. . .

Когда, обжигаясь бессонницей,
Я слушаю ветры ночные,
Судьба, я готова заложницей
Терпеть все дороги земные.

Чтоб, в странствиях трудных уставшая,
Я стала мудрей и печальней,
Чтоб, истину в скорби познавшая,
Душа понимала молчанье...

Однажды настигнута молнией —
О, счастья мучительный опыт! —
Смогла б разгадать я безмолвие
И ветра таинственный ропот!

М

не совсем немного надо:
Чтобы ветер целовал,
Чтобы лунною прохладой
Летний вечер обнимал,

Чтоб в жару воды напиться,
В стужу — греться у огня,
Чтобы тот, который снится,
Не сумел забыть меня.

Пусть черемуха знакомо
И любимо с детских лет
Под окно родного дома
Осыпает белый цвет,

Облака плывут, как плыли,
Даль становится видней —
Лишь друзья не уходили б
Из моих летящих дней.

В пору грустную ненастья,
Неизменно приходя,
Пусть душе дарует ясность
Шум осеннего дождя.

А когда судьба назначит
Мне покинуть мир людей,
Надо мною пусть поплачет
Стая диких лебедей.

* * *

ахли пряно цветы на закате.
Вечер тихо в заре догорал,
Легкий ветер в оконном квадрате
Кружевной занавеской играл.

И клубился туман над рекою,
Не жалел своих белых одежд.
Показалось мне в этом поkre
Воскресение юных надежд.

Задыхаясь в своем аромате,
Обещали ночные цветы
И печаль о неясной утрате,
И безумие вольной мечты...

. . .

Над твоею головою
От моей любви светло.
И сверкает за спиною
Алой мантии крыло.

Поднимись к небесной воле
В величавой красоте,
Помогу в нелегкой доле
Устоять на высоте.

Только б видеть, как восходишь
Чистым сердцем над собой!..
Что же ты глаза отводишь,
Золотой избранник мой?

Я дарила — не просила! —
Тайну счастья и борьбы.
Иль боишься — не по силам
Посох царственной судьбы?

Укажу дорогу к трону.
Умоляю, не спеши,
Не теряй свою корону,
Государь моей души!

. . .

К ак ты боишься, мой милый,
Кроткого света любви!
Хочешь, убей его силой,
Молнии блеск призови.

Я пред тобой безоружно
Нежную песню пою,
Мне и победы не нужно
В этом бесславном бою.

Дождиком смоев багрянец,
Песня умрет без следа,
Ветер остудит румянец
Тайного, злого стыда.

Речка любовь мою спрячет,
В сонные травы возьмет...
...Что же душа твоя плачет,
Словно младенец, зовет?

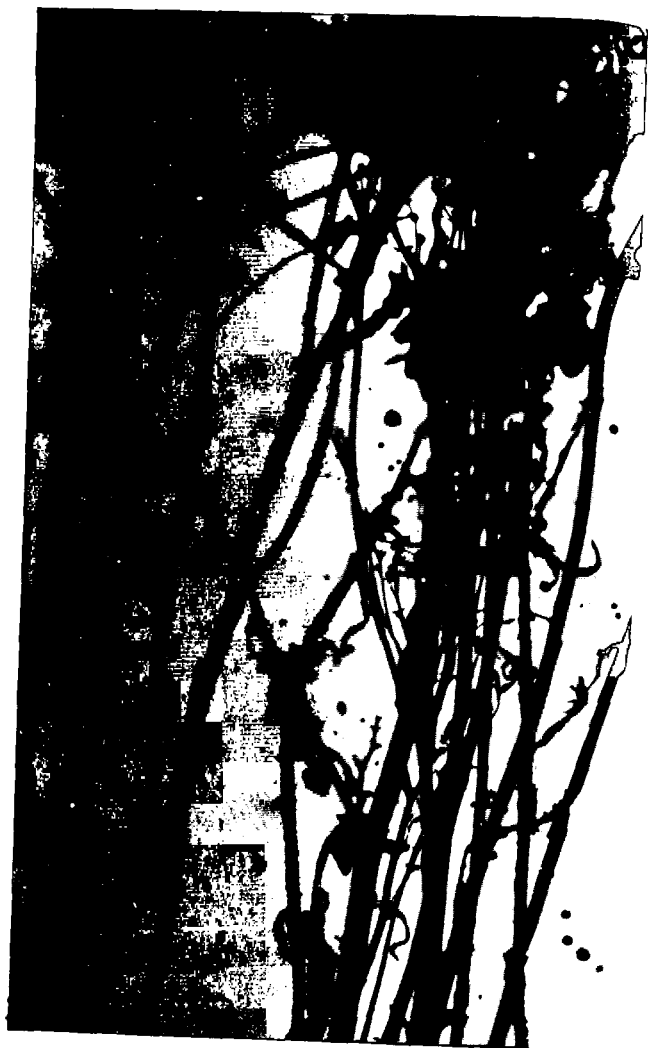

. . .

и врагом, ни другом ты мне не был.
Так зачем под грохот майских гроз
Все, чем ликовало наше небо,
Ты, смеясь, в глазах своих унес?

Мечутся отчаянно, печально
Ночи, потерявшие покой,
Словно крылья бабочки, случайно
Сломанные детскою рукой.

Выстрадаю утра светлоокость,
Вытерплю, покорная судьбе.
За твою беспечную жестокость
Вымолю прощение тебе.

* * *

П овеет холодом из сада...
И дожди закроют белый свет...
И услышу в шуме листопада,
Что надежд зеленых больше нет.

Догорят пунцовые рябины,
Доцветут последние цветы.
Будто в чем нечаянно повинны,
Замолчат веселые мечты.

Я тихонько ветру повторяю:
Листьям дай на ветках подражать!
Словно с ними я себя теряю,
Ничего не в силах удержать.

Слабый луч отчаянно искрится
В золоте осеннего венца.
Все никак не может примириться
С этой неизбежностью конца.

* * *

И з мглы безверья, ниоткуда
Что может счастье предвещать?
Как день без солнца, жизнь без чуда
Не может душу освещать.

Не потому ль среди разлада
С непостижимой высоты,
Как обещание награды,
Слетает властный зов мечты?

И если звезды угасают,
Шепча: судьбе не прекословы! —
У края пропасти спасают
Надежда, вера и любовь.

• • •

Г

де лилии светились бледно
На темной замершей воде,
Там луч дневной исчез бесследно,
Вдохнув об утренней звезде...

Но ни на миг не угасая,
В тиши таинственно дыша,
От слепоты во тьме спасая,
Молитвой светится душа.

Горит бессонными ночами
Славянской честью россиян:
«Созвездий вечными лучами
Весь мир да будет осиян!»

* * *

Где весна любовью бредит?
Холода царят на всей земле.
О тепле морозно грезит
Ледяная роза на стекле.

К светлым тайнам без участия
Охладела б сердцем и судьбой,
Только вечный призрак счастья
Увлекает в пламень за собой.

П

...
усть опять в свои грохочет трубы
Бешеная лютая гроза.
У моей любви сухие губы
И тоскою выжжены глаза.

Нечего бояться ей на свете.
Если после зимней пустоты
Тополиным пухом веет ветер,
Расцветают белые цветы!

Пусть из мук, из боли станет тело,
А душа из ясных звонких звезд
И тогда навстречу песне смелой
Жаворонки выпорхнут из гнезд!

. . .

лышу ветер, волнующий травы,
Вижу сосны в закатном огне.
Не найдется на свете отравы,
Чтоб навек успокоиться мне.

Я б забыла печальные песни,
Чтоб остаться твоей до конца,—
Только ты в стороне неизвестной
Моего не узнал бы лица.

Наши речи невнятной и глуше,
И уж радости прежней не жди.
Лучше ты отпусти меня слушать,
Как шумят по дорогам дожди.

Возвращаюсь к родимому полю.
И, обидой души не губя,
Ты прости, что я песню и волю
Полюбила сильнее, чем тебя.

. . .

Радуйся! Радуйся! Радуйся!
Сердце, ликуя, поет.
Радуга! Радуга! Радуга
В облаке синем цветет!

Небо сиянием полнится,
Верится в добрую весть.
Все повторится, исполнится.
В облаке радуга есть!

. . .

Странный человек.
Ходит, опустив голову,
Смотрит себе под ноги
И все время ворчит:
То на гололед, то на слякоть,
То на пыль, то на траву,
Которая цепляется за башмаки...
Над головой у человека просторное
небо,

Где вечерняя заря сменяет утреннюю,
Вслед за черными тучами
Приплывают белые облака.
А он смотрит вниз,
И мысли его не поднимаются
Выше маленьких неприятностей
под ногами.

Чего он боится?
Уходит в тень,
Когда на небе горит солнце,
Закрывается зонтиком,
Когда зацветает радуга,
Вечером занавешивает окна,
Не глядя на нежную дрожь звезд...
Странный человек.
Не замечает, как плечи его сутулятся
Все больше,
Взгляд становится все мрачнее,
А мысли ничтожней.

Как помочь ему?
Что может заставить этого человека
Поднять лицо к небу
До того, как смерть
Опрокинет его навзничь?..

К Наталье Сидоровой судьба не была милостивой. Наделив ее с детства даром жадного любопытства, она тут же отняла у нее даже простую возможность свободно двигаться. Наградив деревенскую девчушку поэтическим видением, судьба-злодейка обрекла ее почти на заточение в маленькой городской комнатке. Но если в мире и есть чудо, то творит его только мужество. Вопреки всем жизненным невзгодам, если не сказать откровенно — трагедии, Наталья Сидорова нашла в себе силы жить. Поэзия — ее пастырь, духовный наставник и поводырь.

Каждый стих вологодской поэтессы похож на маленький, но чистый родниковый ключ, из которого бьет, рвется наружу очищенная страданием, извечная любовь. Любовь к мужчине и другу, к самой малой былинке и мирозданию, к добру и свету. Вот почему ее стихи, еще не слившись даже в первую книжку, находят своего ценителя и благодарного слушателя. У Натальи Сидоровой большая и довольно разноликая почта. Главное в этих письмах — благодарность людей за нежданное обретение веры в собственные силы. А помогают, как ни странно, строчки ее стихов. Мечтатель-чудак делится надеждой найти в курганах волжских степей легендарного золотого коня хана Батыя, школьник объясняется в любви, по радио вдруг прозвучила песня, написанная на ее стихи композитором из Средней Азии, а старые большевички предложили выпустить полюбившиеся стихи листовками, настолько убежденно в их исцеляющей и воспитующей силе.

Поэтические вечера Натальи Сидоровой пользуются огромной популярностью. Самый большой концертный зал в Вологде бывал заполнен до отказа молодежью, людьми самых разных возрастов и профессий. Многие ее стихи, переложенные на музыку и исполненные в традиции русского романса, просто завораживают вологжан.

Стихи Натальи Сидоровой в разное время публиковались в «Комсомольской правде», «Советской России», «Неделе», в журналах «Смена», «Север», «Советская женщина», в коллективных сборниках «Север поэтический», «Молодые голоса Севера», «Вологодские зори». В 1982 году в библиотечке журнала «Молодая гвардия» вышла ее тоненькая книжка «Слышу ветер», получившая поощрительный диплом на конкурсе имени А. М. Горького на лучшую первую книгу молодого автора. В 1984 году Наталия Сидорова стала участницей VIII Всесоюзного совещания молодых писателей.

И вот перед вами сборник ее стихов. Надеемся, что знакомство с поэзией Натальи Сидоровой многим навеет чувство радости и легкости, которую ощущаешь в осеннем лесу, несмотря на всю печаль, разлитую в природе. Ведь звонкий хруст первых заморозков уже напоминает о весне и несет с собой новую надежду.

Игорь Тулинов

Наталья Петровна Сидорова
МОЕЙ ЛЮБВИ ПЕЧАЛЬНЫЙ САД
Стихотворения

Редактор *И. В. Тулинов*
Художественный редактор *Д. А. Трубин*
Технический редактор *Н. Н. Гаврилова*
Младший редактор *К. Е. Кулинская*
Корректоры *М. Е. Костина, В. А. Фокина*

ИБ 921

Сдано в набор 10.11.88. Подписано в печать 16.08.89.
Сл. 00110. Формат 70×90/32. Бумага офсетная.
Гарнитура журнальная рубленая. Офсет. Усл. печ. л. 2,925.
Усл. кр.-отт. 3,05. Уч.-изд. л. 2,051. Тираж 2000 экз.
Заказ 3604. Цена 20 коп.

Северо-Западное книжное издательство.
163061, Архангельск, пр. П. Виноградова, 61.
Типография издательства «Правда Севера».
163002, Архангельск, пр. Новгородский, 32.